

СЛОВО И ДЕЛО

Иллюстрированное Обзоръние
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

Хлѣбопекарня для продажи населенію дешеваго печенаго хлѣба въ г. Елифани.
Общеземская организація помощи населенію пострадавшему отъ
неурожая въ Тульской губ

Гапоновщина.

I.

Казенная субсидія гапоновцамъ.

Русское общество и, въ частности, русскіе рабочіе, благодаря нѣскольکو приподнятой освободительнымъ движеніемъ завѣсѣ и надъ нѣкоторыми (о, далеко еще не надъ всѣми и не во всей мѣрѣ!) мрачными тайнами нашей полицейщины, болѣе или менѣе хорошо знаютъ теперь, что такое пресловутая зубатовщина, каковы ея герои и ихъ задачи и приемы. Но вотъ событія и газетныя сообщенія прошедшихъ дней приподнимаютъ—пока еще только чуть-чуть, за краешекъ—завѣсу надъ другимъ—не обинуясь, скажу: темнымъ явленіемъ нашего рабочаго движенія, явленіемъ, которое въ заинтересованныхъ сферахъ и кружкахъ уже окрещено презрительной кличкой „гапоновщина“.

Такъ какъ все, что касается русскаго рабочаго движенія, живо интересуетъ и должно интересоваться, по весьма понятнымъ причинамъ, русское общество, то постараемся и мы заглянуть за эту завѣсу и познакомить читателей нашихъ съ тѣмъ, что пока еще такъ таинственно и осторожно начинаетъ грозить оттуда здоровому, нормальному и свѣтлому развитію русскаго рабочаго.

На этихъ дняхъ, вскорѣ послѣ появленія въ газетахъ извѣстнаго письма г. Петрова, разоблачившаго исторію о выдачѣ 30,000 руб. изъ государственной казны на какія-то таинственныя дѣла, мнѣ пришлось бесѣдовать съ лицомъ, весьма близко стоящимъ къ гапоновской организаціи. Бесѣда эта многое раскрыла передо мной и существенно дополнила развѣ бывшія у меня свѣдѣнія о задачахъ этой организаціи и ея приемахъ.

II.

Чѣмъ ее объясняли рабочіе. — Мюнхенскій искъ къ правительству.

Собесѣдникъ мой не только не отвергалъ факта выдачи черезъ министра Тимирязева, по распоряженію гр. Витте, 30,000 руб. агенту Гапона, г. Матюшенскому, но вполне при-

знавалъ, что нѣкоторымъ, наиболѣе вліятельнымъ и приближеннымъ къ Гапону членамъ центрального комитета такъ называемыхъ „гапоновскихъ отдѣловъ“ вполне былъ извѣстенъ фактъ сношеній и переговоровъ Гапона съ нѣкоторыми представителями высшаго правительства, имѣвшихъ цѣлью голучить казенную субсидію. Онъ даже вполне оправдывалъ въ данномъ случаѣ всѣ дѣйствія Гапона и „гапоновскихъ“ воротилъ. Доводы его сводились къ слѣдующему.

Вскорѣ послѣ знаменитаго отнынѣ въ русской исторіи 9-го января 1905 г., правительство закрыло учрежденное по мысли и при активномъ содѣйствіи Гапона, покойнаго министра Плеве, градоначальника Фултона, митрополита Антонія, нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ и департамента полиціи „спб. собраніе русскихъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ“; затѣмъ полиція конфисковала все имущество открытыхъ къ этому времени 11-ти отдѣловъ общества и всѣ его капиталы, причемъ значительная часть послѣднихъ была забрана при арестѣ отдѣльныхъ лицъ—предсѣдателей, казначеевъ и секретарей этихъ отдѣловъ. По исчисленію моего собесѣдника, рабочіе потеряли при этомъ разгромѣ имущества и денегъ, по крайней мѣрѣ, на 50,000 руб.

Послѣ манифеста 17-го октября у главнѣйшихъ дѣятелей закрытаго общества и у самого Гапона явилась мысль требовать у правительства не только возвращенія конфискованнаго имущества, но и возмѣщенія тѣхъ убытковъ, которые потерпѣло гапоновское обще-

Разливная для даровой раздачи молока дѣтямъ до пятилѣтняго возраста въ г. Елифани.

ство отъ прекращенія его дѣятельности. Собесѣдникъ мой наивно увѣрялъ, что правительство должно было бы „вернуть намъ“ больше 100,000 руб., такъ какъ такую сумму „мы могли бы собрать“ въ 1905 году путемъ членскихъ взносовъ, устройствомъ вечеровъ, лекцій и т. п., по сравненію съ доходомъ предыдущаго года. Оказывается, по его словамъ, что члены бывшаго центрального комитета даже совѣтовались по поводу этого памфлета, иска къ правительству съ нѣкоторыми „видными“ петербургскими юристами, и послѣдніе находили, какъ самое основаніе этого иска, такъ и размѣръ его правильными и сулили имъ успѣхъ на судѣ.

И вотъ тутъ, дескать, произошла слѣдующая исторія. „Правительство“ узнало объ этомъ готовящемся искѣ и „крайне встревожилось“. Даже самъ графъ Витте будто бы „находилъ крайне неудобнымъ и неприятнымъ“ это судебное дѣло, и вотъ рѣшено было путемъ переговоровъ Гапона (по видному, не лично, а черезъ какихъ-то посредниковъ) съ министромъ дѣло это не начинать, а кончить, такъ сказать, миромъ, взявъ „съ правительства“ отступное въ суммѣ тѣхъ 30,000 руб., которые и получилъ по частямъ отъ министра Тимирязева г. Матюшенскій, по прямому уполномочію Гапона, уже давно находившагося въ Петербургѣ и возвращающагося даже въ „правительственныхъ“ сферахъ.

Велико были мое недоумѣніе при этомъ разсказѣ и удивленіе передъ глубокою и какою-то поистинѣ дѣтскою наивною моего собесѣдника, близость котораго къ гапоновскимъ кружкамъ и даже нѣкоторое вліяніе его въ этихъ кружкахъ были мнѣ, однако, хорошо извѣстны.

Пробовалъ я, конечно, убѣждать моего наивнаго собесѣдника, — что правительству совершенно нечего было опасаться такого судебного дѣла, а о стыдѣ, объ опасности скандала говорить прямо наивно. Слѣдовательно, всѣ тѣ мотивы, которые приводятся имъ, какъ побудительныя причины, вынудившія, молъ, Кабинетъ пойти на мировую сдѣлку съ рабочими, — сущій вздоръ. Тутъ что-то неладно и крайне темно и подозрительно. Кабинетъ такъ наивно, просто и чистосердечно не выпустилъ бы изъ отошавшаго теперь въ конецъ правительственнаго кармана столь крупную по нынѣшнимъ временамъ сумму, какъ 30,000 сребренниковъ.

„Очевидно, вась, гапоновскую толпу, массу простыхъ рабочихъ вводитъ кто-то и для чего-то въ заблужденіе всѣми этими сказками, пытающимися благовидно замаскировать истинныя причины, поводы и мотивы этой взятки, данной черезъ Гапона и Матюшенскаго вашему обществу. Тутъ есть тайна. Гдѣ ключъ къ ней? Гдѣ погребена собака, — какъ говорятъ вѣмцы?“ Попробуемъ же подойти къ этой тайнѣ на основаніи тѣхъ точныхъ данныхъ, которыя сообщены рабочими гапоновскихъ же организацій.

III.

Исторія взятки. — „Приближенный“ князь Андронниковъ. — „Рабочій“ Ушаковъ. — Уломоты о возвращеніи Гапона.

Мы знаемъ теперь, что сношенія гапоновскаго „ядра“ съ Кабинетомъ начались уже давно, чуть-ли не съ первыхъ шаговъ жизни этого Кабинета. Вскорѣ же послѣ манифеста 17-го октября, когда гр. Витте былъ уже центромъ и фокусомъ всей правительственной машины и къ нему начали стекаться со всѣхъ концовъ земли русской депутація и отдѣльныя лица, нерѣдко жаждавшія великихъ и богатыхъ милостей, пошли къ нему на поклонъ „съ просьбашкой“ и гапоновскіе заправила, и въ ихъ числѣ и столь нынѣ про-

кливаемый г. Петровъ, стоявшій вообще, какъ мы достовѣрно знаемъ, весьма близко къ Гапону и всему его обществу. Пошли они въ приемную гр. Витте по прямому совѣту и указанію г. Гапона.

Цѣлью этой депутаціи было получить, съ одной стороны, разрѣшеніе на открытіе отдѣловъ общества и вообще на возобновленіе прежней его до-январской дѣятельности, а съ другой — и добиться возвращенія арестованнаго и конфискованнаго имущества и капиталовъ бывшаго общества.

„Депутаты“ имѣли продолжительную бесѣду съ „приближеннымъ графа“, какъ они выражались, кн. Андронниковымъ, который принялъ ихъ въ приемной гр. Витте „отъ его лица и по его порученію“, какъ имъ было объявлено. Когда они изложили „приближенному князю“ свои просьбы и желанія, онъ долго распространялся передъ ними.

— Вотъ, напримѣръ, — сообщилъ кн. Андронниковъ, — какъ заботливо отнесся графъ къ извѣстному рабочему Ушакову (Ушаковъ этотъ — основатель тоже цѣлой организаціи рабочихъ, такъ называемыхъ „ушаковцевъ“, „независимцевъ“ — работаетъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; онъ сталъ извѣстенъ большой публикѣ главнымъ образомъ своимъ письмомъ въ газеты, въ которомъ онъ оправдывался въ предъявленномъ ему многими рабочими обвиненіи въ шпионствѣ, провокаторствѣ и т. п. Въ послѣднее время поговаривали, что партія правового порядка имѣетъ въ виду выдвинуть его кандидатомъ отъ петербургскихъ рабочихъ въ Государственную Думу. Личность эта и его „независимая упаковщица“ тоже еще ждетъ своей ясной и подробной исторіи).

Такъ вотъ, этому „рабочему“ Ушакову гр. Витте, по словамъ кн. Андронникова, уже выдалъ „изъ своихъ личныхъ средствъ“ 5000 руб. и еще обѣщало оказать „всяческую поддержку“, такъ какъ графъ считаетъ, молъ, его дѣятельность „крайне полезной“ для рабочихъ. Вотъ и имъ, гапоновцамъ, рекомендуется-де сблизиться съ г. Ушаковымъ, и тогда и имъ будетъ обезпечена матеріальная и прочая иная „поддержка“... Долго бесѣдовалъ кн. Андронниковъ съ гапоновцами, но они упорно стояли на своемъ: „Ушакова, дескать, намъ не надо, мы и сами со своими дѣлами справимся, а гр. Витте повидѣть непременно желаемъ, тѣмъ болѣе, что вотъ и записка нами приготовлена для него о нашемъ дѣлѣ“.

Въ концѣ концовъ вышель-таки къ нимъ и самъ гр. Витте, послѣ продолжительнаго отсутствія изъ приемной кн. Андронникова, видимо, разочаровавшагося въ „депутаціи“. Приемъ былъ сухой и короткій, предложено было подать записку и общано ее разсмотрѣть. Тѣмъ этотъ первый визитъ „комитета“ и кончился. Пробовали они еще толкнуться къ гр. Витте насчетъ „своего дѣла“, ходили они и къ градоначальнику просить объ открытіи отдѣловъ и о возвращеніи имущества. Ничего не выходило. Отдѣлы открыты не разрѣшали, имущества не отдавали. Рѣшено было ждать пріѣзда самого Гапона, такъ какъ была увѣренность, что онъ подойдетъ подъ амнистію и будетъ вполне легально проживать въ Петербургѣ и снова руководить своимъ обществомъ.

Но оказалось, что Гапонъ подъ амнистію „не подходитъ“ и открыто пріѣхать ему не разрѣшаютъ.

А между тѣмъ „ядро комитета“ видѣло, что безъ Гапона здѣсь, въ Петербургѣ, ничего не выходитъ. Пріѣздъ его необходимъ. А тутъ и самъ Гапонъ сталъ врать въ Россію: между нимъ и „ядромъ“ шла оживленная переписка. Рѣшено было опять „толкнуться“ къ гр. Витте.

IV.

Журналисты у гапоновцевъ. — Пріѣздъ Гапона не-обходимъ.

Къ этому времени, т. е. къ концу октября и началу ноября прошлаго года, около комитета гапоновцевъ стали уже вращаться и кое-какія „интеллигентскія“ силы, но силы эти были весьма и весьма ничтожныя, въ смыслѣ какихъ бы то ни было личныхъ связей, вліянія, протекціи и т. п. закулисныхъ средствъ. Какую, въ самомъ дѣлѣ, активную помощь гапоновцамъ могли оказать гр. Старцевъ, Строевъ, Матюшенскій, Симбирскій (бывшій сотрудникъ, по его собственному объясненію, газеты „Русь“, которую онъ теперь отчаянно поноситъ въ новомъ пріютѣ — „Словѣ“), и т. п. второ- и третепенные петербургскіе журналисты, примкнувшіе къ комитету отчасти по недоразумѣнію, а отчасти — какъ это было съ г. Матюшенскимъ — и не безъ задняго умысла и личныхъ цѣлей.

Очевидно, во всемъ этомъ еще не чувствовалось надлежащей властной и опытной руки, и всѣ проекты, планы и мечты о прежнемъ значеніи, роли и вліяніи гапоновскаго общества и его отдѣловъ въ многотысячной массѣ рабочихъ оказывались построенными на пескѣ.

А между тѣмъ, соблазнъ былъ такъ великъ, по крайней мѣрѣ, для властнаго и привычнаго уже въ быломъ играть нѣкоторую роль „ядра“ комитета, счастье было такъ возможно... Стоило только поддаться на раздавшіяся упорно изъ Кабинета устами кн. Андронникова и другихъ „приближенныхъ“ и посредниковъ пѣсни сирены: „Сойдитесь съ „вліятельными“ Ушаковымъ, послѣдуйте его примѣру и указаніямъ, какъ организовать и въ какомъ направленіи вести рабочую массу...“

Словомъ, продайтесь, и дѣло будетъ въ шляпѣ; и отдѣлы ваши будутъ открыты, и ихъ имущество будетъ возвращено, и денегъ получите, сколько окажется по ходу дѣла нужнымъ“.

Они рѣшили сдать. Но безъ Гапона, безъ его опытнаго совѣта и руководства, наконецъ, просто безъ его благословенія на такой шагъ рѣшиться было прямо рискованно и даже невозможно и бесполезно. Какую, въ самомъ дѣлѣ, цѣнность „представляли они сами по себѣ для Кабинета, департамента полиціи, охраннаго отдѣленія и канцеляріи градоначальника. За что было имъ давать ну хотя бы на первый разъ 30,000 руб.? Можно-ли было черезъ нихъ, этихъ весьма неглупыхъ и практически развитыхъ, но все же простыхъ русскихъ рабочихъ средняго типа, рассчитывать вліять въ „нужномъ“ смыслѣ на большія рабочія массы, на „братцевъ“, которые весьма склонны вращаться изъ-подъ правительственной и полицейской опеки и иногда „учиняютъ дѣнія“ для правительства и „департамента“ „весьма неудобныя и неприятныя“, поддаваясь вліянію „вредныхъ людей“ изъ своей и „интеллигентской“ среды? Для такого дѣла нуженъ былъ бы, какъ вѣмцы говорятъ, „настоящій человекъ на настоящемъ мѣстѣ“. Вотъ если бы Гапонъ взялся за эту умиротворительную, сокращающую и „благоговорно“ направляющую роль... это было бы дѣло другое — тогда выгодно было бы и по 30,000 руб. выдавать изъ общенародной казны по отдѣлу разныхъ „секретныхъ“ суммъ, въ изобиліи отпускаемыхъ на „тайныя“ нужды.

V.

Предложеніе Ушакова. — Поѣздка Кузина въ Парижъ.

И вотъ, въ такую надлежаще подготовленную психологическую минуту „ядро“ комите-

та получает пикантное предложение через известного „руководителя“ и „организатора“ партии „независимых русских рабочих“, в просторѣчи именуемых „ушаковцев“, того самого „рабочаго“ Ушакова, котораго „Новое Время“ на дняхъ столь лестно рекомендовало своимъ читателямъ, какъ „человѣка развитого и одареннаго характеромъ, которому въ сравнительно короткое время удалось распространить свое влияние на рабочихъ не только экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, но и другихъ учреждений министерства финансовъ, напр., винныхъ складовъ и т. п.“.

Надо полагать, что г. Ушаковъ хорошо исполнилъ свою миссію, потому что, какъ намъ достоверно известно, секретарь центрального комитета Д. В. Кузинъ былъ командированъ въ Парижъ, гдѣ въ это время проживалъ Гапонъ, чтобы передать ему совѣтъ, внушенный черезъ Ушакова, и обсудить на мѣстѣ, что и какъ слѣдуетъ по сему поводу учинить.

Къ чему привело совѣщаніе гг. Кузина и Гапона, мы доподлинно узнать не имѣли случая, такъ какъ тайна этихъ переговоровъ погребена между ними. Достоверно намъ, однако, известно слѣдующее. Въ минувшемъ ноябрѣ центральный комитетъ, до того времени собиравшійся сокровенно, неофициально, на разныхъ квартирахъ, уже снимаетъ открыто, почти официально, особую квартиру для правленія общества на Владимирскомъ проспектѣ, открыто и съ полнымъ вѣдомомъ властей, и собирается даже въ самую мрачную декабрьскую, январскую и февральскую пору, когда всѣ организаціи, всѣ союзы, собранія, клубы и даже столовые для голодающихъ рабочихъ нещадно закрывались, разгонялись, арестовывались и т. д.

Даже профессиональнымъ союзамъ строжайше воспрещено было собирать свои бюро.

Только гапоновцы открыто засѣдаютъ въ своемъ комитетѣ, устраиваютъ пока танцевальныя и прочія вечеринки, получаютъ обратно конфискованныя у нихъ послѣ 9-го января % бумаги и деньги, снимаютъ квартиры для своихъ отдѣловъ, причѣмъ на ремонтъ нѣкоторыхъ изъ нихъ затрачиваютъ по 1,000—2,000 руб. Успѣшнѣе ихъ дѣйствуютъ только „чистые социаль-демократы“, ухаковскіе независимцы, которые одни только пользуются завидною привилегіею созывать даже общія собранія своихъ членовъ и устраивать митинги.

Члены гапоновскаго центрального комитета, а особенно его „ядро“, рвали и металы изъ зависти передъ успѣхами „чистыхъ социаль-демократовъ“. Ушаковъ устраиваетъ вотъ цѣлые митинги, а ихъ дальше „танцвалокъ“ пока не пускаютъ! Но вотъ въ Петербургѣ появляется собственно своею персоною Г. А. Гапонъ.

VI.

Гапонъ въ Петербургѣ.—Гапона „ищутъ“ въ Россіи.

И вотъ, начинается чистѣйшая полицейская комедія. Официально объявляется, что Гапона всюду ищутъ. Въ газетахъ печатаютъ, что даже казанскій губернаторъ и уѣздные исправники получили строгій наказъ искать всюду Гапона, даже въ Казанской губерніи, въ которую ему никакого смысла не было ѣхать, такъ какъ тамъ у него нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, ни преданныхъ ему мѣстныхъ рабочихъ организацій, да, кстати, почти и нѣтъ заводовъ съ большимъ числомъ рабочихъ. Ищутъ его, однако, на бумагахъ по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ, строго и упорно... и также, конечно, упорно не находятъ. Да и мудро было его тамъ найти, потому что г. Гапонъ невозбранно и безмятежно проживалъ все это время подѣ

бокомъ у департамента полиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ, усердно посѣщая нужные ему „кабинеты“, канцеляріи и „влиятельныхъ“ особъ и лицъ. А на охранное отдѣленіе и департаментъ полиціи вдругъ курьезная слѣпота нашла. То они иногда со дна моря, можно сказать, найдутъ „нужнаго“ человѣчка; въ погоню за нимъ, въ надзоръ за всѣми его присными, близкими, родными и даже отдаленными знакомыми снаряжаютъ сотни „слѣдовъ“. А тутъ вдругъ, пойдете, внезапное затменіе находить, и вся опытность и умѣлость улетучиваются. И сообщеніе „Новаго Времени“ о пріѣздѣ Гапона, и личность двухъ десятковъ „предсѣдателей, секретарей“ и прочихъ должностныхъ лицъ гапоновскаго комитета, съ нѣкоторыми изъ коихъ онъ, вѣдь, неминуемо долженъ былъ повидаться, пріѣхавъ въ Петербургъ, даже наличность центральной квартиры на Владимирскомъ проспектѣ, гдѣ, какъ теперь шлетъ самъ комитетъ и объясняетъ Н. П. Петровъ, происходили засѣданія комитета—ничто не помогаетъ бѣдной полиціи и охранному отдѣленію: не могутъ найти Гапона,—вотъ ты что хочешь дѣлай, пропалъ да и только!

Но вотъ теперь мы достоверно знаемъ, что Гапонъ не пропадалъ, что онъ весьма и весьма часто видался съ массою лицъ, бывалъ въ засѣданіяхъ комитета, а въ промежуткѣхъ наладилъ, можно сказать, все дѣло гапоновцевъ, поставилъ его, такъ сказать, на мазы. И съ Кабинетомъ сошелся, инструкціи своему подручному, г. Матюшенскому, далъ, и кассу у министра Тимирязева устроилъ, и дѣятельность нѣкоторыхъ отдѣловъ направилъ, и даже въ надлежащую минуту продѣлки г. Матюшенскаго разоблачилъ и снарядилъ за нимъ въ погоню опытныхъ ловцовъ.

Оставалось еще только кое-какія формальности устранить, а затѣмъ уже вполне открыто созывать большія общія собранія рабочихъ, устраивать тоже свои „митинги“ на манеръ ухаковскихъ, въ цѣляхъ „воздѣйствія, насажденія здравыхъ началъ и руководства п р о ф е с с і о н а л ь н о ю жизнью рабочихъ“. Повидимому, при посредствѣ Кабинета и кое-кого изъ влиятельныхъ лицъ можно было твердо рассчитывать на новое, на сей разъ вполне благопріятное, толкованіе манифеста объ амнистіи и уже вполне открытое и демонстративное выступленіе въ новой роли вождя русскихъ рабочихъ на новомъ пути, къ новымъ цѣлямъ и „внушительнымъ“ задачамъ.

Но тутъ вдругъ произошелъ скандалъ, какъ выразилось по этому поводу „Новое Время“—„государственный скандалъ“.

„Сорвался!“—какъ сказала бы незабвенный Кречинскій.

Ближайшаго къ Гапону человѣка, безусловно ему довѣрявшаго, работавшаго съ нимъ и до 9-го января, пошедшаго съ нимъ и на смерть въ этотъ кровавый день, раненаго рядомъ съ нимъ, къ нему же бѣжавшаго за границу, долго тамъ жившаго и наблюдавшаго, вдругъ осѣнила мысль: „тутъ что-то не чисто“, когда онъ узналъ о взяткѣ, полученной Гапономъ, о „министровыхъ“ деньгахъ, какъ онъ выражается въ отвѣтъ центральному комитету.

Мы имѣемъ твердое основаніе думать, что не одного Петрова „стала мучить совѣсть“ при этомъ тяжкомъ для наивныхъ душъ многихъ гапоновцевъ открытіи, показавшемъ, какими шапками и закулисами махинаціями занимается ихъ прежде столь любимый, почти обожаемый, вождь, которому они слѣпо и безусловно вѣрили. Петровъ, какъ мы достоверно знаемъ, отъ лица цѣлой группы, взялъ только на себя инициативу и,

такъ сказать, личную отвѣтственность въ разоблаченіи тайнъ этого, поистинѣ, „государственного скандала“, обнаружившаго, что правительство еще недостаточно обучено плачевными зубатовскими опытами покойнаго министра Плеве.

Оно на этотъ разъ вздумало замѣнить зубатовщину Гапономъ.

VII.

Гапонъ дѣлаетъ карьеру.

Но Гапонъ—не Зубатовъ—о, нѣтъ, это совсѣмъ, совсѣмъ иной „документъ“ человѣческой психики“.

Не будемъ копаться въ далекомъ прошломъ его и заниматься бесплодными, или во всякомъ случаѣ мало полезными для сути дѣла, поисками,—какъ это съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, продѣлывали нѣкоторые газеты,—въ томъ, кто были родители Гапона, крестьянинъ-ли онъ по происхожденію или иной кто, какъ онъ учился въ семинаріи и академіи, какія писалъ тамъ сочиненія, въ которыхъ и тогда еще, молъ, проявлялъ какой-то особый „революціонный духъ“ и т. п.

Изъ всего этого матеріала—биографическаго и автобиографическаго (сообщеннаго самимъ Гапономъ) мы воспользуемся только однимъ указаніемъ.

Съ самой юности, на школьной и студенческой скамьѣ, Гапона отличаетъ одна характерная черта: способный, нервный, легко возбуждающийся, доходящій до крайности въ своихъ замыслахъ и увлеченіяхъ, легкомысленный, постоянно мѣняющій свои настроенія юноша страстно любитъ играть роль, быть на виду, отличатся отъ другихъ. Его поведеніе никакъ не укладывалось въ обычныя рутинныя рамки школьной жизни. Онъ то и дѣло нарушаетъ дисциплину, вызываетъ неудовольствие и подозрительность начальства. Но при этомъ онъ всегда умѣетъ какъ-то и поладить съ тѣмъ же начальствомъ, а когда нужно, то найти и воспользоваться высокою протекціею, которую онъ какими-то таинственными путями всегда умѣлъ раздобыть для себя.

Такъ, въ бытность свою въ Петербургской духовной академіи, онъ сумѣлъ заручиться протекціей самого К. П. Побѣдоносцева и его товарища, В. К. Саблера. Тотчасъ же по окончаніи академіи, Гапонъ получаетъ при помощи, главнымъ образомъ, того же В. К. Саблера весьма недурное мѣсто при церкви въ порту.

Удовлетвориться обычной священнической дѣятельностью онъ не могъ. И здѣсь весьма скоро „начальство“ получило нѣкоторыя въ шпигіи основанія заподозрить, что этотъ необычайный священникъ занимается какимъ-то „опаснымъ“ дѣломъ: онъ что-то явно сталъ окружать себя мѣстными рабочими, ведя среди нихъ какую-то агитацію. Дѣло дошло до градоначальника, которымъ въ то время былъ отнюдь не покладистый Клейгельсъ. Гапона пригласили къ нему „для бесѣды“. Но въ результатѣ этой бесѣды, содержаніе которой осталось, конечно, тайной двухъ авгуровъ, „агитація“ Гапона не только не была прекращена, а, наоборотъ, ловкій іерей сталъ, видимо, пользоваться особою благосклонностью, прямымъ покровительствомъ и явнымъ содѣйствіемъ „чуткаго“ и опытнаго полицейскаго генерала.

Вскорѣ Гапонъ представилъ градоначальнику подробно разработанный проектъ рабочаго дома, въ которомъ проводились, какъ утверждаютъ лица, имѣвшія случай познакомиться съ этимъ проектомъ, и какія-то своеобразныя „соціалистическія“ начала.

Газета у дѣловаго человека. — Бѣглый просмотръ газетъ передъ приходомъ поезда.

VIII.

Его защитники и покровители.

Черезъ генерала Клейгельса, пришедшаго въ восторгъ отъ этого проекта, Гапонъ сблизился съ статсъ-секретаремъ Тапѣвымъ, генераломъ Максимовичемъ, княгиней Лобановой-Ростовской. Особенное же покровительство онъ нашель въ лицѣ г-жи Хитрово, вдовы русскаго посланника въ Японіи. Затѣмъ завязалось „знакомство“ съ оберъ-гофмейстериной г-жей Нарышкиной, въ домѣ которой Гапонъ сталъ частымъ гостемъ. Гапонъ сталъ фигурировать въ разныхъ учрежденіяхъ и благотворительныхъ обществахъ. Былъ даже, какъ намъ хорошо извѣстно, проектъ представить ловкаго поща ко двору. Но это какъ-то не удалось. А тутъ къ тому же судьба какъ будто перестала улыбаться счастливцу.

Его сильно не возлюбилъ г. Аничковъ, бывшій членъ с.-петербургской городской управы, который и сталъ, пользуясь своими большими связями въ свѣтѣ и духовной администраціи, настойчиво вредить глубоко антипатичному ему Гапону. Какъ на грѣхъ, въ это время уѣхалъ изъ Петербурга митрополитъ Антоній, главнѣйшая, повидимому, опора и покровитель Гапона. Фонды и значеніе Гапона, подъ вліяніемъ враждебной агитаціи г. Аничкова, стали сильно падать. Къ нему кое-гдѣ стали относиться уже явно недовѣрчиво и подозрительно.

IX.

Гапонъ сблизается съ Зубатовымъ, Плеве, Фуллономъ и митрополитомъ.

Мы не считаемъ себя вправѣ останавливаться на нѣкоторыхъ недостаточно проверенныхъ указаціяхъ, слухахъ и разсказахъ. Но одинъ фактъ установленъ твердо, и мы даже знаемъ, что когда Гапону пришлось однажды въ нѣкоей вліятельной петербургской редакціи прямо отвѣтить на вопросъ: „Что означаютъ эти письма и жалобы?“, причемъ ему предъявлены были и подлинныя документы, полученные отъ опредѣленныхъ лицъ, то онъ, видимо, сильно сконфузившись, не нашель, однако, никакихъ пуныхъ доводовъ и возраженій въ свое оправданіе и, видимо, замылялъ разговоръ.

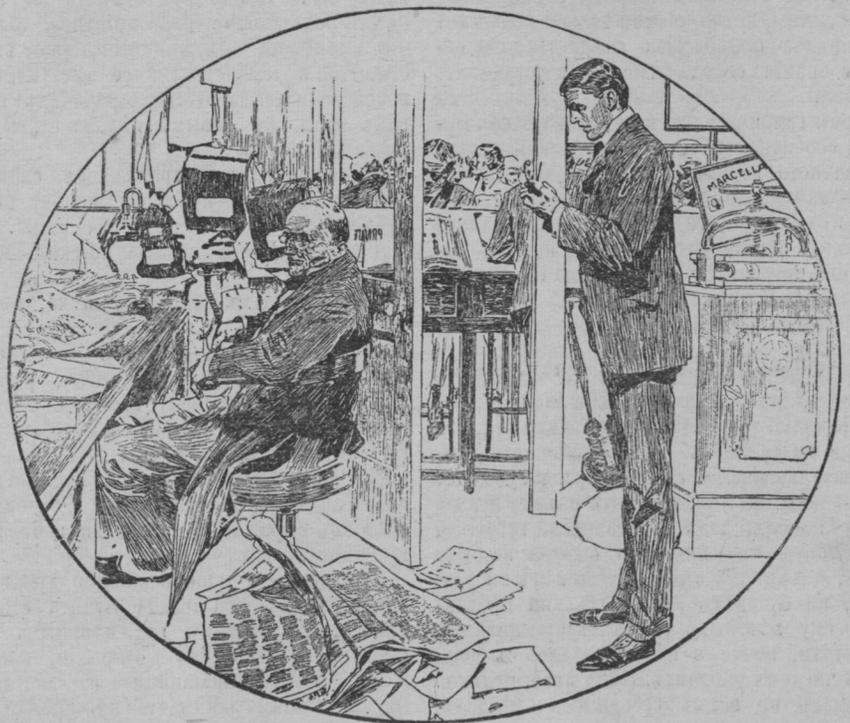
Дѣло же шло о слѣдующемъ характерномъ фактѣ: Гапонъ былъ законоучителемъ въ пріютѣ Сіянаго Креста на 22-й линіи Васильевскаго острова.

Вдругъ матери дѣвочекъ — воспитанницъ этого пріюта, стали усиленно брать своихъ

дѣтей изъ него. На это обратили вниманіе, было произведено разслѣдованіе. Оказалось,

Время-деньги. — Спѣшный завтракъ на вокзалѣ.

Англійская дѣловая жизнь. — Контора миллионной фирмы. Тѣснота и скученность, обычныя въ Сити.

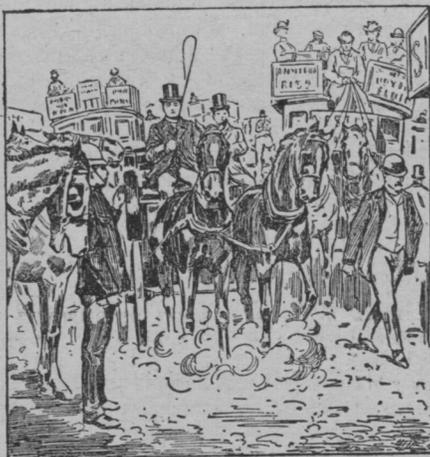
что Гапонъ такъ „своеобразно“ держалъ себя съ воспитанницами старшихъ классовъ, что пребываніе ихъ въ этомъ пріютѣ становилось положительно неудобнымъ. Когда попечительный совѣтъ пріюта поближе заинтересовался этимъ дѣломъ и личностью отца Гапона, то онъ натолкнулся и на другой фактъ: между настоятелемъ пріюта и поставщиками церковныхъ вещей для него оказались крупныя недоразумѣнія по счетамъ. Совѣтъ былъ вынужденъ, несмотря на усиленное желаніе самой начальницы этого пріюта какъ-нибудь замаять эту неприятную исторію, предложить Гапону удалиться.

Исторія выходила совсѣмъ скандальная; стали сильно поговаривать о церковномъ судѣ. Будущее Гапона покрывалось темнымъ флеромъ. Но тутъ вдругъ происходитъ какая-то таинственная исторія. Въ судьбѣ Гапона начинаетъ принимать сильное участіе нѣкій г. Михайловъ, вліятельный чиновникъ охраннаго отдѣленія. Михайловъ сблизилъ его съ близкимъ въ то время къ покойному Плеве знаменитымъ организаторомъ „контръ-революціи“, создателемъ пресловутой „зубатовщины“, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Зубатовымъ. Черезъ Зубатова и его помощника, Мельникова, Гапонъ сходится съ генераломъ Скандараквымъ, а ужъ тутъ одинъ шагъ былъ къ самому всемогущему Плеве, котораго Гапонъ и сталъ неоднократно посѣщать для такихъ же „поучительныхъ“ и „увлекательныхъ“ бесѣдъ, какъ и градоначальника Клейгельса.

Теперь безусловно и твердо установлено признаніемъ самого Гапона, что Зубатовъ привлекъ его къ своимъ планамъ и снабжалъ его крупными суммами денегъ. Уже впоследствии, въ бытность свою въ Парижѣ, Гапонъ разсказывалъ, правда, въ довольно затуманенныхъ чертахъ, о своихъ отношеніяхъ къ Зубатову и его агентамъ. Онъ даже не скрывалъ, что въ общемъ онъ получалъ отъ Зубатова не менѣе 6,000 р. Признавая этотъ фактъ, онъ даетъ ему то объясненіе, что лично себѣ онъ, молъ, этихъ денегъ не бралъ, а взялъ ихъ „для своего дѣла“, для помощи рабочимъ. Мы можемъ даже допустить это объясненіе его, такъ какъ изучили, насколько

было возможно, личность Гапона, его жизнь, характер и дѣятельность, вовсе не принадлежатъ къ тѣмъ, кто вводитъ въ характеристику этой интересной отнынѣ исторической личности и прямо уже мелкія, вульгарныя побужденія личной матеріальной выгоды, жажды наживы и т. п. Нѣтъ, Гапонъ—несомнѣнно фигура крупнѣе обычныхъ, шаблонныхъ и мелкихъ карьеристовъ и наживаль: онъ, конечно, далеко не прочь и отъ матеріальныхъ благъ и радостей жизни, не прочь и отъ денегъ, но они не руководящій стимулъ и побужденіе въ его дѣятельности, не это—характерная черта этой сложной натуры. Но объ этомъ мы скажемъ ниже, а пока вернемся къ прерванному разсказу о его дальнѣйшихъ подвигахъ.

Фактъ, однако, остается фактомъ: Гапонъ вошелъ въ непосредственныя и даже денежныя отношенія съ департаментомъ полиціи и принялъ активное участіе въ зубатовскихъ планахъ. Онъ пошелъ даже дальше. Онъ сталъ критиковать приемы и средства Зубатова, считая ихъ мелкими, иногда наивными и мало-результатными въ смыслѣ удержанія рабочихъ подъ ферулою полиціи и въ цѣляхъ борьбы съ революціей.

Англійскіе нравы.

Провозъ лорда Ротшильда по Лондонскимъ улицамъ. Преклоненіе передъ властью золота такъ сильно, что заставляетъ полицію останавливать уличное движеніе, чтобы пропустить экипажъ прославленнаго миллионера.

У него были планы глубже, и средства онъ рассчитывалъ примѣнить болѣе хитрыя и дальновидныя. Въ этомъ смыслѣ онъ даже составилъ цѣлую докладную записку противъ Зубатова, которую читалъ и градоначальнику, и митрополиту, встрѣтивъ у нихъ большое сочувствіе. Можетъ быть, Гапону и не удалось бы лично повліять въ этомъ смыслѣ на самого Плева и спихнуть Зубатова или, во всякомъ случаѣ, подорвать необыкновенное увлеченіе имъ со стороны Плева, тѣмъ болѣе, что за Зубатовымъ была крѣпкая поддержка въ лицѣ „московской администраціи“, тогда безконечно вліятельной и, можно сказать, всесильной.

Но, на счастье Гапона, Зубатова въ это время стали преслѣдовать неудачи.

Его помощникъ и соратникъ Шаевичъ, командированный въ Одессу для выдѣренія и тамъ началъ, пріемовъ и всей практики зубатовщины, скандально „провалился“: подготовленная имъ одесская стачка не только не пошла тѣмъ ходомъ, какъ ее задумали устроить въ департаментѣ полиціи, но разразилась такъ бурно и въ такихъ формахъ, что самъ Плева не на шутку встревожился.

А тутъ еще обсыкъ, произведенный у Шаевича, котораго заподозрили въ измѣнѣ де-

партаменту полиціи, навелъ на сильныя подозрѣнія въ кое-какихъ шашняхъ чисто личнаго, интригантскаго свойства и противъ самого Зубатова.

Зубатовъ и Шаевичъ пали... Гапонъ остался и вдвойнѣ торжествовалъ. И его мысли объ опасности и непрактичности для самого правительства зубатовской тактики нашли себѣ блестящее подтвержденіе, и самъ онъ оказался дальновиднымъ и глубокимъ полицейскимъ политикомъ и сталъ поэтому *persona gratissima* у Плева. О митрополитѣ Антоніи и новомъ градоначальникѣ Фуллонѣ и говорить нечего: у нихъ Гапонъ сдѣлался прямо излюбленнымъ человѣкомъ. Известно, что по прямому распоряженію митрополита Антонія, Гапону была выдана значительная денежная награда, и онъ былъ назначенъ настоятелемъ церкви при пересыльной тюрьмѣ.

Правда, какъ разсказывалъ однажды самъ Гапонъ въ интимной бесѣдѣ съ близкими ему лицами, митрополита не разъ тревожила мысль о неудобствѣ и даже опасности такой открытой „соціальной дѣятельности“ Гапона, какую онъ въ это время уже, не стѣняясь, велъ среди рабочихъ, бесѣдуя съ ними очень мало на темы чисто-церковныя и богословскія и очень много по вопросамъ экономическаго и общественнаго характера. Но Гапонъ умѣлъ ловко обойти осторожнаго церковнаго сановника, раскрывъ передъ нимъ при этомъ широкіе горизонты крѣпко соединеннаго, дружнаго „вліянія на рабочихъ“ церкви и департамента полиціи.

X.

Открытие „гапоновскаго общества“.

Гапонъ—это безумный, неустовый честолюбецъ изъ разряда тѣхъ, которые, подобно Наполеону, считаютъ для себя, во имя этого честолюбія и ненасытной жажды власти, все дозволеннымъ.

Этой страстью я положительно и объясняю себѣ—прежде всего и помимо всего прочаго—тѣ широкіе планы, которые возникли въ головѣ Гапона въ 1903—1904 году, когда онъ отъ разброшенной, хаотической и несистематизированной агитаціи среди петербургскихъ рабочихъ перешелъ, опираясь уже на весь увлеченный имъ и возглававшій на него большія надежды административно-церковно-полицейскій оплотъ, къ мысли создать, какъ обширнѣйшую арену для себя, знаменитое отнынѣ въ исторіи русскаго рабочаго движенія

Англійскіе нравы.

Посыпаніе утренняго поезда изъ окраинъ Лондона въ Сити.—Поездъ ежедневно вывадетъ переполненъ служащими въ торговыхъ фирмахъ, не имѣющими средствъ поселиться въ центрѣ колоссальнаго города.

„с.-петербургское общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“.

Въ созданіи устава этого общества и въ хлопотахъ о проведеніи его у Плева приняли участіе побуждаемые Гапономъ такіе крѣпкіе поручители за благонадежность и прямую выгоду всего этого предпріятія для правительства, какъ предсѣдатель „общества распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, протоіерей Орнатскій, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Гринмутъ и самъ генералъ отъ „православія, самодержавія и народности“ Богдановичъ.

Самъ Плева, однако, не сразу рѣшился на этотъ новый опытъ зубатовщины; онъ, вѣдь, только-что устранилъ отъ должности Зубатова, передъ нимъ еще свѣжи были всѣ впечатлѣнія отъ одесскаго провала подобныхъ полицейскихъ затѣй.

Впервые верхнее полицейское чутье этого „перваго полицейскаго Имперіа“, какъ онъ себя называлъ, инстинктивно подсказывало

Лондонская биржа на улицѣ.

Въ число действительныхъ членовъ Лондонской биржи попасть такъ трудно, что многіе спекулянты довольствуются сдѣлками, заключаемыми на улицѣ, у дамъ биржи. Эта, такъ называемая биржевая „куліса“ посещается настолько усердно, что сквозь густую толпу дельцовъ успеваютъ протолкаться лишь юркіе продавцы газетъ.

ему теперь-то ужъ, по крайней мѣрѣ, запасти сугубой осторожностью. Онъ долго держалъ уставъ у себя. Но „естъ своя судьба у вещей“,—говоритъ латинскій поэтъ. Передъ такими рекомендаціями, поддержанными, какъ теперь открылось, даже „изъ Москвы“, Плеве не устоялъ: 15-го февраля 1904 года уставъ новаго общества былъ утвержденъ и председателемъ его, съ благословенія митрополита Антонія, былъ назначенъ Георгій Гапонъ.

Плеве предоставилъ ему по особой инструкціи даже такія преимущества, каковыхъ не имѣлъ самъ градоначальникъ: Гапонъ могъ свободно и самостоятельно, не спрашивая никакихъ властей предрержащихъ, открывать отдѣленія своего общества по всему Петербургу.

Характерно первое торжественное собраніе общества при его открытіи, состоявшемся 11-го апрѣля 1904-го года.

Всѣ рѣчи дышали исключительно тріединой формулой—„самодержавіемъ, православіемъ и народностію“. Много говорилось о національномъ русскомъ самосознаніи, о „довѣріи“ къ рабочимъ правительства и о ихъ долгѣ оправдать это довѣріе.

Присутствовавшіе на „праздникѣ“ снялись въ трогательной группѣ, въ которой на первомъ планѣ стояли рядышкомъ, какъ символъ единенія церкви и полиціи въ просвѣщеніи рабочихъ, отецъ Гапонъ и градоначальникъ Фуллонъ.

Одинъ очень развитой и интеллигентный рабочий, случайно попавшій на это собраніе, рассказывая мнѣ впоследствии объ этомъ „праздникѣ“, характерно опредѣлилъ свое впечатлѣніе: „Мнѣ все казалось,—пронизировалъ онъ,—что я попалъ не то въ учасокъ, не то въ Русское Собраніе“.

Единство тона строго было выдержано до конца: были посланы разныя приличествующія телеграммы, въ томъ числѣ и чувствительно-благодарственная министру Плеве.

Въ такой приблизительно работѣ, въ такихъ впечатлѣніяхъ, да еще въ разныхъ увеселеніяхъ, танцевальныхъ вечерахъ, и т. п. прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Путь и значительнаго, однако, ничего изъ всей этой затѣи не выходило. Членовъ вступало очень мало, да и то больше изъ малоразвитыхъ, невліятельныхъ рабочихъ мелкихъ заводовъ, мастерскихъ, черноработныхъ и т. п. Большая масса рабочихъ мало интересовалась новымъ обществомъ, многіе даже и не знали о существованіи его.

Гапонъ придумался: выходило, что гора родила мышъ. А между тѣмъ, вѣдь, не зря же ему давалъ департаментъ полиціи деньги, въ полученіи коихъ Гапонъ самъ сознавался неоднократно передъ близкими ему рабочими-„гапоновцами“, наивно объясняя и на этотъ разъ, что онъ бралъ эти деньги „не для себя, а для своихъ рабочихъ“, такъ сказать, на содержаніе ихъ общества и помощь бѣднѣйшимъ, „пока, молъ, средства самого общества не окрѣпли“ и для „отстраненія подозрительности“. Надо же, вѣдь, было чѣмъ-нибудь путнымъ оправдать подобныя субсидіи.

Но недаромъ Гапонъ — человекъ находчивый и изобрѣтательный. Онъ нашелъ средство оживить общество и, дѣйствительно, создать изъ него нѣчто весьма крупное и для себя лично интересное. И вотъ, тутъ-то начинается любопытнѣйшая страница въ исторіи этого общества, въ которой и таится, собственно говоря, вся загадка для многихъ еще весьма загадочнаго вопроса: какъ могъ Гапонъ, каковъ онъ есть, создать 9-е января? А ларчикъ, между тѣмъ, просто открывается: суть въ томъ, что далеко не одинъ Гапонъ и даже отнюдь не Гапонъ создалъ все это дви-

женіе въ полномъ его значеніи и объемѣ. Но тѣмъ не менѣе весьма важная активная роль Гапона заключалась въ томъ, что онъ нашелъ средство поставитъ развитіе общества въ новыя рамки, на новый путь, который и привелъ къ январскимъ событіямъ 1905 года.

XI.

Гапонъ становится революционеромъ. — Гапонъ — „революционеръ внѣ партій“.

Послѣ 15-го іюля, когда Плеве былъ убитъ, Гапонъ съ удивительнымъ чутьемъ угадалъ перемену воздуха въ Россіи. И съ этого времени его дѣятельность пріобрѣтаетъ явно иную окраску. Онъ и самъ становится, и рабочихъ вводитъ уже прямо въ опредѣленную политическую агитацію освободительнаго движенія.

Къ ноябрю и декабрю 1905 года гапоновскіе отдѣлы уже становятся вполне опредѣленными очагами социаль-демократической проаганды. Уже и самъ Гапонъ, какъ мнѣ достовѣрно и непосредственно извѣстно, начинаетъ говорить рабочимъ на ту тему, что: „вотъ, молъ, товарищи, я вамъ раньше совѣтовалъ остерегаться социаль-демократовъ, но я и самъ ошибался въ нихъ: это знающіе люди и друзья рабочихъ“, и т. п.

Зная хорошо Гапона и слыша рассказы компетентныхъ лицъ, близко наблюдавшихъ его въ этотъ періодъ, я положительно могу допустить, что онъ самъ искренно повѣрилъ въ новыя идеи, увлекся въ это время новымъ настроеніемъ, и самъ поддался стихійному увлеченію освободительнымъ движеніемъ, въ которомъ опять же такъ мечталъ сыграть новую и на этотъ разъ благородную и красивую роль.

Къ этому же времени Гапонъ сближается съ М. Горькимъ и опредѣленной группой прогрессивныхъ писателей и, видимо, подпадаетъ подъ ихъ облагораживающее идейное и нравственное вліяніе. Въ спокойныя, трезвыя минуты онъ ясно видитъ, куда идетъ и какъ разгорается освободительное движеніе въ Россіи, и съ присущимъ ему умомъ и, какъ ему тогда казалось, съ неизмѣняющимъ ему чутьемъ улавливаетъ тонъ и направленіе, котораго ему надо теперь держаться, если онъ хочетъ стоять во главѣ рабочаго движенія въ Петербургѣ, играть роль, быть вождемъ, т. е. опять-таки выполнять присущую его натурѣ функцію... А вдали мерещатся уже и еще болѣе грандіозныя перспективы: мало-ли что будетъ въ Россіи!..

И вотъ, такимъ путемъ, на этой почвѣ, причѣмъ, конечно, сыграла и огромную роль нѣкоторая, несомнѣнно, стихійность событий, неудержимо влекшихъ за собою и политическія рабочія организаціи, и самого Гапона, и всю массу рабочихъ вмѣстѣ съ остальной, бурно клокочавшей Россіей, разыгралась великая трагедія январскихъ дней.

Такъ привели событія и люди совсѣмъ другаго лагеря и направленія Гапона и петербургскихъ рабочихъ къ 9-му января и всѣмъ его послѣдствіямъ. Къ этому времени Гапонъ уже такъ далеко зашелъ и такъ далеко уклонился, или, вѣрнѣе сказать, событія уклонили его отъ первоначальныхъ его замысловъ во вкусъ зубатовщины, что уже онъ отступать не могъ: его самого несла волна взбаламученнаго моря... Да, повторяю, онъ и самъ въ это время глубоко вѣрилъ въ успѣхъ своего замысла.

Послѣ роковой неудачи наступаетъ эпоха упадка, потеря всего, что было создаваемо годами, бѣгство за границу, необходимость новой позиціи уже вполне опредѣлившагося революционера и даже прославленнаго „вождя русскихъ рабочихъ“, какъ его называла вся европейская пресса, мировая извѣстность,

всеобщее вниманіе и, главное, страшное первое потрясеніе и безумное озлобленіе и негодованіе противъ людей и причинъ, вызвавшихъ эту неудачу, эту катастрофу... Гапонъ хотѣлъ мстить, онъ наивно думалъ побѣдить, мечталъ, что Россія бурно и дружно поднимется сейчасъ же за этимъ событіемъ... и онъ будетъ играть снова крупную роль...

Гапонъ, какъ это извѣстно каждому, мало-мальски ознакомившемуся съ нимъ поближе,—человѣкъ въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ совершенно невѣжественный и необразованный. Съ какимъ багажомъ онъ вышелъ въ этомъ отношеніи изъ семинаріи и духовной академіи, съ такимъ, кажется, онъ и поднесъ обрѣтается.

И вотъ, онъ самъ не знаетъ, гдѣ истина, куда ему приткнуться—пойти-ли къ социаль-демократамъ или къ социалистамъ-революционерамъ, съ кѣмъ можно мечтать скорѣе притти къ успѣху, и онъ начинаетъ метаться. Книнулся къ социаль-демократамъ, но, увы,—народъ тамъ опытный, скептической въ высшей степени и прошедшій, что называется, революціонные огонь и воду, а къ тому же имѣющій и достаточныя свѣдѣнія о Гапонѣ перваго его періода—дореволюціоннаго. Пощупали его, можно сказать, со всѣхъ сторонъ, почитали его статейки, которыя онъ поощалъ въ „Искрѣ“, „Впередъ“ и даже въ нѣмецкомъ „Vorwärts“, поговорили съ нимъ, обозрѣли полный хаосъ и кашу въ его головѣ, поспѣлись надъ его тактическими предложеніями, утопіями, революціонными бреднями дѣтскаго характера и практическими планами минуты, и случилось все это тѣмъ, что, какъ мнѣ рассказывали люди, непосредственно знающіе этотъ казусъ, похлопалъ его однажды столпъ и старый вождь социаль-демократовъ Г. В. Плехановъ по плечу и сказалъ: „Отче Гапоне, поучиться надо“, да и отпустили его съ миромъ.

Тѣмъ и завершилась исторія попытокъ Гапона войти въ социаль-демократическую партію. Онъ отрясъ отъ нея прахъ ногъ своихъ и пошелъ къ социалистамъ-революционерамъ. И тамъ пріемъ и проводы были не менѣе сухіе.

И остался въ концѣ концовъ Гапонъ, такъ сказать, „революционеромъ внѣ партій“, какъ теперь есть „социалисты внѣ партій“.

XII.

Гапонъ опять на олужбѣ у правительства.

Затѣмъ онъ, видимо, теряетъ голову, разочаровывается во всѣхъ революціонныхъ планахъ и мечтаніяхъ, и тутъ начинается уже прямо подозрительный и какой-то явно нелѣпый періодъ жизни. То онъ, совершенно забывъ о своихъ пресловутыхъ „письмахъ и воззваніяхъ къ русскому народу“, „къ солдатамъ“, которыхъ онъ еще недавно отряхнулъ отъ присяги „въ силу новаго сана“,—и начинаетъ писать контръ-революціонныя статьи и письма, въ которыхъ высказывается сторонникомъ чуть-ли не какой-то явной реакціи, то вдругъ онъ, повидимому, твердо убѣждается, что прежней роли ему не играть, что на этомъ революціонномъ пути „поза“ у него не выходитъ, и его сбиваетъ снова мысль и подхватываетъ неудержимое стремленіе попробовать, опираясь на „гапоновцевъ“, опять сыграть роль, пріобрѣсти вліяніе и положеніе, выставивъ себя спасителемъ русскихъ рабочихъ отъ социаль-демократовъ и русской революціи, и вернуть себѣ такимъ путемъ милость и расположеніе правительства при новомъ поворотѣ русской внутренней политики послѣ 17-го октября, прибѣгнувъ къ милости Кабинета и заинтересовавъ его собою.

Еще при жизни Плеве Гапонъ бывалъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, у гр. Витте и однажды

даже подалъ ему записку, въ которой старался утопить въ глазахъ г. Витте своего соперника, Зубатова. Последний былъ тогда излюбленнымъ челоѣкомъ у Плеве, а про отношенія г. Витте къ Плеве Гапонъ, конечно, очень хорошо зналъ... И вотъ Гапонъ вскорѣ послѣ 17-го октября завязываетъ сношенія съ Кабинетомъ и вслѣдъ за этимъ подготовительнымъ періодомъ... его видятъ въ известномъ отелѣ Парижа „Terminus“; онъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе въ парижской палатѣ депутатовъ моднѣйшими костюмами, потомъ онъ появляется и въ Монте-Карло, гдѣ швыряетъ въ рулетку пригоршнями золото. Затѣмъ, какъ рассказалъ на-дняхъ А. В. Амфитеатровъ, „одинъ англійскій корреспондентъ, ища о Гапонѣ для интервью, обрѣлъ его въ привилегированномъ и высокопоставленномъ семейномъ вагонѣ, къ коему протѣсь смертнымъ приближеніе и за границей полицейскими весьма воспрещается.“

А тамъ, все дальше и дальше, или, вѣрнѣе, опять все выше и ниже. Въ Петербургѣ у него идетъ явно темная игра въ прятки съ полиціей, которая его никакъ не находитъ, а онъ въ это время получаетъ отъ Кабинета 30000 р. „для своего общества“. Затѣмъ онъ опять въ Парижѣ, гдѣ держитъ себя уже явнымъ слугою Кабинета и, при помощи бесѣды съ сотрудниками „Matin“ внушаетъ иностраннымъ буржамъ сугубое довѣріе къ русскому правительству и его финансамъ, „поднимаетъ русскій курсъ“, а затѣмъ и крикливо клянеть на всѣхъ семи вселенскихъ соборахъ русскихъ революціонеровъ и заднимъ числомъ предсказываетъ тиетѣ всѣхъ ихъ попытокъ въ борьбѣ съ русской бюрократіей.

Затѣмъ опять Петербургъ и снова явное стремленіе стать на старыя зубатовскія тропинки и по нимъ повести и своихъ оставшихся ему вѣрными „гапоновцевъ“; опять повторяются совѣты „беречься интеллигентовъ“, „помнить, что дѣло рабочихъ должно дѣлаться ими самими“, внушается презрѣніе къ „нѣмцу Марксу“, котораго, де, всегда превзойдетъ простой „здравый русскій смыслъ“ и т. п.

А затѣмъ грянуло письмо Н. П. Петрова, не выдержавшаго всей этой пытки близкихъ сношеній съ былымъ кумиромъ при новыхъ условіяхъ... и на этомъ, — надо думать, на сей разъ уже навсегда — кончается политическая роль и карьера этого „историческаго путопвѣта“.

Быль, правда, и въ Западной Европѣ одинъ челоѣкъ, — неукротимый, старый, безкорыстный идеалистъ революціи, какъ его навывають г. Амфитеатровъ, знаменитый Амаль-Каре Чиприани, — который хорошо понималъ и разгадалъ Гапона и недавно разразился страстно, бурною, полною негодованія по его адресу статью во французской газетѣ „La petite République“: „Вы“, говоритъ онъ по его адресу, „въ одно и то же время революціонеръ и дезертиръ, апостолъ и ренегатъ. Надо быть попомъ, чтобы одновременно соединить въ себѣ столько противорѣчій!“

И такъ, теперь читатель видитъ, какъ безплодно, даже для себя самого, выкинулъ Кабинетъ 30000 руб. народныхъ денегъ (если только не больше!), давъ ихъ Гапону: его пѣсня спѣта и для какой бы то ни было „полисики“ и даже для „содѣйствія“ во влчаніи на рабочихъ онъ челоѣкъ конченый... Но, къ сожалѣнію, съ нимъ вмѣстѣ не умерло еще пока окончательно его знаменитое „общество“.

„Гапоновщина“ еще жива, и намъ необходимо въ заключеніе доказать, какой это опасный паразитъ на здоровомъ организмѣ. Сдѣлаемъ же послѣдніе выводы изъ нашего изслѣдованія.

Теперь надо благодарить судьбу, Кабинетъ,

Матюшенскаго и Петрова, что ихъ усиліями роль и личность Гапона въ конецъ разоблачены. А то онъ, можетъ быть, еще разъ запуталъ бы рабочую массу въ кровавую политическую авантюру, подвергнувъ ее всѣмъ послѣдствіямъ своей „гапоновщины и ея опасностей“.

Тѣ изъ читателей нашихъ, которые пожела-ли бы въ этомъ отношеніи подробно ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ нашей бюрократической внутренней политики, могутъ найти обширный и прервосходно изложенный матеріалъ хотя бы въ прекрасномъ изслѣдованіи г. Георгіевскаго „Полицейскій социализмъ въ Россіи“ („Образованіе“, январь, 1906 г.).

XIII.

Какъ создавалась зубатовщина.

У насъ были Сипягинъ, Плеве и tutti quanti, которыхъ, съ пятого на десятое, даже слышали, можетъ быть, кое-что о когда-то практиковавшихся при Наполеонѣ III во Франціи или при Бисмаркѣ въ Пруссіи подобиныхъ же опытахъ. И вотъ, когда ловкій авантюристъ, бывшій начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ предложилъ нѣчто въ такомъ же полицейскомъ родѣ, то и „тогдашняя“ московская администрація начала девяностыхъ годовъ, и департаментъ полиціи въ Петербургѣ отнеслись къ его проекту съ горячимъ сочувствіемъ.

Я не могу здѣсь разсказать всю эту любопытную исторію о томъ, какъ Зубатовъ и его сподручные, „работіе“ Афанасьевъ, Слѣпцовъ, Красивскій, Жилкинъ, Чубриковъ, Янченковъ и другіе предатели, запечатлѣвшіе въ исторіи русскаго освободительнаго движенія свои имена, повели свое иудно дѣло. Скажу только, что сначала они какъ будто очень даже ловко повели его: устроили въ Москвѣ знаменитый „Союзъ московскихъ рабочихъ“, собравъ въ него нѣсколько тысячъ наивныхъ рабочихъ, которымъ очень импонировало это явное покровительство властей, расчитывавшихъ поощрять рабочихъ за счетъ фабрикантовъ (лишь бы работіе покорялись власти всецѣло и свято!) эта открытая агитація въ ихъ средѣ, возможность собираться на сходки, устраивать лекціи и цѣлые курсы, и даже заявлять массовыя требованія путемъ открытыхъ стачекъ, которымъ явно покровительствовали московскія власти и которымъ должны были, подѣ страхомъ разныхъ возмездій, уступать московскіе фабриканты.

Можетъ быть, дѣло пошло бы такимъ путемъ все дальше и дальше, если бы известный фабрикантъ, — по счастью для него, французскій подданный — Гужонъ, когда за неисполненіе требованія уплатить рабочимъ 40.000 р., недополученныхъ ими по какимъ-то старымъ счетамъ, полиція стала угрожать ему арестомъ и высылкой, не обратился за защитой къ французскому послу.

Разыгрался большой скандалъ. Полиція должна была извиниться передъ Гужономъ, умѣрить свой пылъ и сократить намѣреніе благодѣлательствовать рабочимъ за счетъ фабрикантовъ безъ согласія послѣднихъ, лишь бы держать рабочихъ въ уздѣ.

А тутъ еще петербургское правительство серьезно струсило, когда 19-го февраля 1902 г. полиція собрала и привела къ памятнику Александра II въ Кремль 50.000-ную толпу и служила съ нею молебень, въ присутствіи Великаго Князя Сергѣя Александровича, оберъ-полицеймейстера Трепова и прочихъ властей.

Въ Петербургѣ поняли, что это чествованіе дня освобожденія отъ крѣпостной зависимости (о которомъ тогда очень не любили даже вспоминать, не то, что чествовать)

„могло быть истолковано массами совершенно въ обратную сторону и сыграть роль прецедента для рабочихъ другихъ городовъ, вызвавъ и въ обществѣ представленіе о новомъ курсѣ правительства по рабочему вопросу“. Печати было дано даже предисловіе особымъ циркуляромъ „не придавать этому событію характера знаменательнаго событія“.

Случай этотъ и прямое вмѣшательство министерства финансовъ, свято блюдущаго непоконъ вѣка по преимуществу интересы фабрикантовъ, крайне встревожили и Сипягина, и смѣившаго его Плеве, но и тотъ, и другой, съ одной стороны, до смерти боялись загрознуть тогдашнюю „московскую администрацію“, явно поощрившую забастовщину, а съ другой, глубоко ненавидѣли тогдашнее министерство финансовъ. И оба они, сильно скрѣпя сердце, должны были поддерживать эти опыты, а Плеве даже принималъ депутаты отъ зубатовскаго „союза“ 7 апрѣля 1903 г. въ Москвѣ, очень хвалили одного изъ нихъ за статьи въ „Московскіяхъ Вѣдомостяхъ“ и даже передѣлывалъ ихъ, а „Правительственный Вѣстникъ“ посѣдншій перепечатать изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ „полный неподдѣльной искренности разсказъ о знаменательномъ днѣ 7-го апрѣля“.

Съ разрѣшенія Плеве были произведены дальнѣйшіе опыты зубатовщины въ Минскѣ, Одессѣ и Петербургѣ („петербургское общество взаимнаго вспомошествованія механическихъ рабочихъ“), и, можетъ быть, дѣло развивалось бы все дальше и дальше, если бы не одесская катастрофа, при которой обнаружилось, что зубатовскіе же агенты организовали широкія массы рабочихъ и подготовили обширное поле дѣятельности для социалистической пропаганды, приведшей лѣтомъ 1903-го года къ знаменитой одесской стачкѣ.

Плеве сталъ послѣ этого еще опасливѣе относиться къ подобнымъ опытамъ, но ужъ соблазнъ былъ болно великъ: не такъ, такъ иначе, а слѣдовало забирать рабочія движенія въ свои руки. Но надо было дѣйствовать осторожно и видоизмѣнять средства „воздѣйствія“.

XIV.

Зубатовщина сжигается гапоновщиной.

И вотъ тутъ-то подоспѣлъ замыселъ священника Гапона. Онъ былъ умнѣе зубатовскаго: тамъ бѣлыя нитки были ужъ очень видны, а здѣсь имѣлось въ виду дѣйствіе очень умненько, осторожнѣе, глубже, съ истинно-иезуитскою ловкостью. Не даромъ этотъ замыселъ родился въ головѣ хитраго попа, а воспріемникомъ его былъ „первый полицейскій Имперіи“.

Планъ былъ построенъ на слѣдующемъ. Не надо грубо и рѣзко выдвигать на первый планъ чисто-матеріальные интересы рабочихъ, бить по преимуществу на ихъ шкурныя нужды и заманивать ихъ, главнымъ образомъ, экономическими выгодами, правомъ стачекъ, поблжкой ихъ требованій въ распряхъ съ фабрикантами, а тѣмъ паче угнетать послѣднихъ.

Тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ многіе фабриканты — иностранцы, а опытъ съ Гужономъ уже показалъ, какую неудобную и скандальную огласку получаетъ вмѣшательство иностранныхъ пословъ.

Нѣтъ, надо было смотрѣть вещи въ корень: требовалось, такъ сказать, идейно воспитать рабочую массу, дѣйствовать прежде всего на ея вѣрованія, мнѣнія и идеалы.

Надежало всячески возбуждать націоналистическіе инстинкты и настроенія темной массы, вселять ей довѣріе къ политической мудрости правительства и къ его сердечному пожеланію о благѣ народа и особенно крестьянъ и

рабочихъ. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ планъ Гапона, построенный, какъ видитъ читатель, съ одной стороны на психологической и идейной почвѣ, а, съ другой, на такомъ же грубомъ политическомъ и научномъ невѣжествѣ, какъ Гапона, такъ и нашей бюрократіи, какое всегда проявлялось ею въ важныхъ вопросахъ народной жизни. Оба заговорщика снова проявили полное непониманіе сути экономического и политического хода вещей въ Россіи. Гапонъ—этотъ полный невѣжда въ историческихъ и экономическихъ вопросахъ, конечно, совершенно не былъ знакомъ съ исторіей развитія рабочаго движенія на Западѣ и неизбѣжнымъ ходомъ его въ Россіи. Онъ былъ, такъ сказать, своеобразнымъ идеалистомъ навыворотъ и, можетъ быть, даже искренно мечталъ проповѣдью и полицейскою политикою воздѣйствовать на рабочихъ и кое-что сдѣлать и для нихъ, путемъ воздѣйствія (опять-таки личнаго, нравственнаго характера) на фабрикантовъ и администрацію.

Онъ при этомъ до безумія увлекался знакомою уже намъ мечтою сыграть какую-то новую и крупную общественную роль и устроить личную карьеру.

Закончу свое изслѣдованіе слѣдующими прекрасными словами талантливаго автора статьи „Полицейскій социализмъ въ Россіи“: „Зубатовщина роди гапоновщину, гапоновщина роди ушаковщину“...

„Рабочая масса пройдетъ мимо наслѣдія зубатовщины и отвернется отъ него.“

Феликсъ.

Продажа ржи по заготовительной цѣнѣ на станціи желѣзной дороги.

Общеземская организація помощи пострадавшимъ отъ неурожаа въ Тульской губ.

Вывозка дровъ на станцію для отправки въ пострадавшіе уѣзды. Обозы, организованные изъ голодающихъ крестьянъ, берутъ дрова въ „Картасневской“ казенной заскѣ.

«Время—деньги».

(Англійскіе нравы).

Кварталь Сити въ Лондонѣ представляетъ огромный городъ, состоящій сплошь изъ торговыхъ домовъ, банковъ, комиссіонныхъ конторъ. Многолюдная толпа переполняетъ узкія улицы; непривычный прохожій съ трудомъ пролагаетъ себѣ путь среди этого стремительнаго человѣческаго потока. На вывѣскахъ непрерывно чередуются названія всемірно знаменитыхъ торговыхъ фирмъ. Центромъ зданій, отъ подваловъ до крышъ переполненныхъ дѣльцами и конторщиками, является грандіозное помѣщеніе англійскаго банка. Символь вѣры для всего торговаго населенія алчнаго квартала сводится къ одному изрѣченію: „время—деньги“. Золотой телець—божество, которому всецѣло поклоняется эта вѣчно кишащая, вѣчно озабоченная погонею за наживой куча людскихъ муравейниковъ. Кварталь примыкаетъ къ широкимъ набережнымъ Темзы, на которыхъ разгружается цѣлый флотъ индійскихъ, американскихъ,

африканскихъ и австралійскихъ торговыхъ судовъ. Вокругъ англійскаго банка расположились отдѣленія крупныхъ банковыхъ фирмъ всего міра. Французскіе, итальянскіе и нѣмецкіе банкиры и негоціанты присылаютъ сюда своихъ сыновей для изученія міровой торговли, товарнаго и денежнаго обмѣна. Поутру, между 9-ю и 10-ю часами, подземныя пригородныя дороги выбрасываютъ въ Сити непрерывно около полумилліона дѣльцовъ и тружениковъ; гигантскій Лондонъ направляетъ къ этому питательному центру почти все свои торговыя рабочія силы. По всемъ путямъ, ведущимъ къ Сити, кипитъ торговля газетами. Англичанинъ, столь твердо заучившій правило цѣнить время, какъ деньги, пользуется утреннимъ переѣздомъ на службу для прочтенія газеты. Занятія кончаются въ 5 часовъ,—поэтому временному населенію Сити приходится возить на службу запасы провіанта; для этой цѣли употребляются клеенчатые или кожаные мѣшки. Несмотря на довольно низкое среднее вознагражденіе за трудъ, труженики Сити поражаются своею нарядностью. Вся эта огромная рабочая армія обмундирована не только чисто, но и изящно.

ДЖИНЖЕРИЗМЪ.

Въ Америкѣ распространилась новая манія вродѣ морфинизма, кокаинизма и т. д.—джинжеризмъ—т. е. употребленіе настоа имбири или имбирнаго эвѣра. Эта манія еще скорѣе разрушаетъ здоровье, нежели другія, до сихъ поръ извѣстныя, не исключая морфинизма, причѣмъ любители этого наркотика принуждены постоянно и въ очень сильной степени увеличивать порціи, доходя отъ 10 капель до $\frac{1}{4}$ литра per dosim.

Школьная столовая.